Жан-Жак Буазар
Басни

Книга V

Жан-Жак Буазар

Жан-Жак Буазар. Басни. Книга V

«Автор»
2026

Буазар Ж.

Жан-Жак Буазар. Басни. Книга V / Ж. Буазар — «Автор», 2026

Представленная на суд читателя книга V басен Жан-Жака Буазара (1744-1833) разительно отличается от первых четырёх: если ранее ироничный француз играл в шарады, рефлексируя над образами басен Лафонтена, то в этой книге он обратился к античной литературе, привнося в протокольные басни Федра и Бабрия черты поэзии Галантного Века, или меняя декорации Эзоповых сюжетов. Желающим попробовать древнеримскую (и частично средневековую) поэзию под галантным французским соусом - приятного прочтения.Для широкого круга читателей.

© Буазар Ж., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Эффект Стравинского или перелогинившийся Федр (или Ромул?). 5
Предисловие переводчика
Пролог 19
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Жан-Жак Буазар. Басни. Книга V

Эффект Стравинского или перелогинившийся Федр (или Ромул?). Предисловие переводчика

Но Иисус, зная помышления их, сказал им:
всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет;
и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит.
Мф. 12:25

Я думаю, фраза про верхи и низы, описывающая революционную ситуацию, известна любому если не в виде ленинской цитаты, то как часть похабного анекдота. От себя добавлю, что данная ситуация касается не только классов. Подобно тому, как в преддверии революции нарастали классовые противоречия и противоборство дворян, боящихся потерять свои привилегии, а в большинстве случаев совершенно искренне не понимающих, что не устраивает чернь, и угнетаемых классов, резонно задающих (пока в пространство) вопрос, а зачем вообще нужны привилегированные сословия, и почему введение нового налога, ещё больше затягивающего удавку на шее простого работяги, не касается аристократии и духовенства, всё больше сшибались между собой консерваторы и прогрессисты, понимающие, что нынешняя ситуация, мягко говоря, далека от идеальной, но предлагавшие разные пути решения. Первые ратовали за косметические меры, брюзжа, что монархия в целом весьма благотворна, только вот во Франции она неправильная. Другие же, понимая, что строй уже прогнил и его миазмы рискуют уничтожить страну, предлагали глубокие системные изменения.

И здесь я прошу уважаемых читателей не путать революцию с обыкновенным государственным переворотом, который тоже, кстати, может родиться из революционной ситуации. При революции всегда меняется государственный строй, и происходят небывалые позитивные сдвиги (к примеру, в послереволюционной России, раздираемой Гражданской войной, почему-то находились деньги и на открытие новых высших и средне-специальных учебных заведений в товарных количествах, и на ликбез, и на план ГОЭЛРО). А вот при государственном перевороте большие люди просто делят большие деньги, тогда как простому народу от этого в лучшем случае ни жарко ни холодно, а в худшем… тут только Паниковского цитировать.

Учитывая, что любое творческое произведение — отражение окружающей действительности, пропущенное через призму рефлексии (даже если мы говорим о попытках сюрреалистов заниматься бессознательным письмом), то неудивительна подобная поляризация и в среде творческих идей: казавшийся забытым в 1694 году «спор древних и новых[1]» разгорелся опять, только места античного и национального занимали рассудок и чувства. Французскому классицизму всё сильнее стал противостоять вначале занесённый из Англии сентиментализм, нашедший горячую поддержку в лице Вольтера, написавшего роман «Юлия, или Новая Элоиза», породивший моду на «сельский вкус», а позже и романтизм, ознаменовавший рассвет уже немецкой литературы (так и напрашивается аналогия с русским сентиментализмом в лице Николая Карамзина с его «И крестьянки любить умеют» или Александра Радищева («Страшись, помещик жестокосердый, на челе каждого из твоих крестьян вижу твоё осуждение») и

[1] Спор о древних и новых — полемика во Французской академии конца XVII века вокруг сравнительных достоинств литературы и искусства античности и современности. Сторонникам античности как непреходящего и недостижимого образца («древним») противостояли критики античности и сторонники теории прогресса в литературе и искусстве («новые»). Лидером «древних» был Николя Буало, лидером «новых» — Шарль Перро.

романтическими произведениями декабристов Ивана Пущина и Кондратия Рылеева). Учитывая, что силе действия равна сила противодействия, то чем активнее толкают новаторы искусство в водоворот поиска свежих форм и средств выразительности, тем более архаичные модели берут за основу консерваторы. При этом нельзя сказать наверняка, кем будет человек в своей творческой жизни, новатором или консерватором: порой история нет-нет да и преподнесёт сюрприз.

В связи с этим мне вспоминается творческий путь Игоря Фёдоровича Стравинского, великого российского и американского композитора. В 1909–1913 годах Стравинский ошеломляет публику импрессионистским мерцанием балета «Жар-Птица» (1910), лубочной мелодраматикой балета «Петрушка» (1911), дикой, почти фовистской экспрессией балета «Весна священная» (1913, визитная карточка композитора), но после революции (Игорь Фёдорович переехал в Швейцарию до Первой мировой войны) из-под пера композитора выходят балет с пением «Пульчинелла» (1920, эдакий косплей Перголези), опера-оратория «Царь Эдип» (1927, Софоклов сюжет, изложенный на латыни, с очень хорошо читаемым влиянием Генделя) и как венец неоклассического творчества — ажурная в своём совершенстве опера «Похождения повесы» (1951, Моцарт как основа, Люлли как вкрапление и оммаж Чайковскому в кульминации). Казалось бы, в 1950-х годах с переходом к сериализму Игорь Фёдорович вернулся в лоно модернизма, но нет — гений вместе с тем всё более погружался в добаховскую эпоху, начиная с Джезуальдо[2], кончая Гийомом Дюфаи[3]; такое ощущение, что проживи он чуть подольше, симфонию «St. Florian[4]» писал бы уже не Шнитке.

Подобный эффект стал наблюдаться и в творчестве Буазара во втором томе: от переосмысления Лафонтена гений делает разворот в сторону Федра. Справедливости ради надо признать, что оммажи Федру встречались в творчестве ироничного француза и ранее: уже в прологе к первой книге мы видим следующие слова:

Esclave ingénieux, dont la muse polie
Adoucit les leçons du sage de Phrygie,
Phèdre, corrige mes essais,
Peintre doux et correct, achève mes portraits.

Раб остроумный, чья муза изысканно
В строку уложит мысль старца фригийского,
Федр да поправит мои излияния,
Образу кистью придав обаяние.

— что свидетельствует о немалом пиетете перед римским вольноотпущенником, вдохнувшим в простую Эзопову прозу обаяние капризной римской поэзии. Также данью памяти Федра можно признать басню «Коза» (La Chèvre, III; III), да и только; в пятой же книге практически дословные пересказы Федровых басен посыпались как из рога изобилия.

---

[2] Ка́рло Джезуа́льдо да Вено́за (1566–1613) — итальянский композитор. Вошёл в историю музыки как автор мадригалов уникального хроматического стиля.

[3] Гийом Дюфаи́ (1397–1474) — франко-фламандский композитор, один из родоначальников нидерландской школы. Музыкальное наследие Дюфаи включает духовную музыку (мессы, мотеты, магнификаты, гимны, антифоны), а также разнообразные светские песни (шансон).

[4] «Симфо́ния № 2 (St. Florian)» — симфония советского и российского композитора Альфреда Шнитке (1934–1998) из шести частей для солистов, камерного хора и симфонического оркестра, завершённая в 1980 году. Создана под влиянием посещения автором монастыря Святого Флориана в Австрии, что отразилось в её названии, по заказу Симфонического оркестра Би-би-си. Впервые исполнена этим же оркестром под управлением Г. Рождественского в Лондоне 23 апреля 1980 года, московская премьера состоялась в январе 1981 года. В основу симфонии положены мелодии из градуала VIII-IX веков.

Дабы не ходить далеко за примером, упомяну басню «Ягнёнок, вскормленный козой» (L'Agneau nurri par une Chevre., V; III), являющуюся почти дословным переводом басни Федра «Canis ad agnum» («Собака и ягнёнок»), кабы не мораль: если Федр своим

His demonstrare voluit auctor versibus
Obsistere homines legibus, meritis capi.

Этим желает автор стихов показать,
Что и закон отвергают взалкавшие выгоду.

— проповедует об абстрактной разнице между de jure и de facto, то Буазар моралью басни пытается придать общий смысл пословице «Не та мать, что родила, а та, что воспитала»:

On dit qu'il faut révérer l'autre,
Mais, comme elle a mis peu du sien
Dans tout ceci, je pense bien
Qu'elle exige aussi peu du nôtre.

Других нас учат уважать,
Но если чей ничтожен вклад,
То им — я в том признаться рад —
Не след и много возвращать

— будучи контекстно куда ближе к морали басни Марии Французской[5]:

Par cest Aignel poez saveir
Q'amer doit — um è chier aveir
Ciaus qui bien lor funt anfance
Nès deivent metre en ubliance.

Поведал агнец басней сей:
Нет ничего любви важней;
Кто детство освятит добром —
Не будет тот забыт потом.

И вот тут-то меня и осенило: а не Ромула ли пытается переработать ироничный француз, потому как имена Марии Французской и вышеуказанного древнеримского баснописца неразрывно связаны. История эта долгая, и хотелось бы её поведать.

Вообще, ученые до сих пор оживлённо спорят, кто или что такое Ромул; бытуют две точки зрения:

Сборник басен Федра, изменённых то ли самим вольноотпущенником, то ли криворуким переписчиком, но уже сильно позже I века нашей эры;

Сборник басен продолжателя Федровой традиции баснописи, которого как раз и звали Ромулом.

---

[5] Мари́ де Франс, или Мари́я Францу́зская (около 1160 — после 1210) — одна из самых известных средневековых поэтесс XII века. Автор сборников «Лэ Мари де Франс» (Les Lais de Marie de France) и «Басни» (Izopet), поэмы «Чистилище Святого Патрика» (L'Espurgatoire Seint Patriz), а также агиографического сочинения «Житие Святой Одри» (La Vie Seinte Audree), написанных на англо-нормандском языке.

Как бы то ни было, история Ромула имела продолжение уже в Средневековье. По-видимому, в XI веке возник сборник, известный как «Нилантов Ромул» (названный так по имени филолога И. Ф. Ниланта, впервые издавшего его в 1709 году), из 50 басен, где местами была уже заметна христианизация моралей. Англо-бретонская поэтесса Мария Французская перевела этот средневековый сборник на старофранцузский язык, основательно его дополнив. Так получился «Изопет», сборник из 103 басен, написанных 4-х, иногда 5-стопным ямбом и основательно пропитанных духом Средневековья, во всяком случае так показалось переводчику. Переводы же Марии Французской в свою очередь были переведены на латынь дважды и легли в основу уже двух «Ромулов»:

«Расширенный Ромул», сборник из 136 басен (79 басен из «Ромула», 57 разрабатывают новые сюжеты), изложенных очень подробно, грубоватым сказочным стилем; сборник послужил основой для двух немецких переводов.

«Робертов Ромул» (по имени первоиздателя, 1825 год), сборник из 22 басен, изложенных сжато, без какого-либо сказочного влияния и с притязанием на изящество.

Конечно, можно было бы предположить, что нормандский гений решил переработать произведения своей почти землячки (Нормандия соседствует с Бретанью), но «Изопет» будет извлечен из небытия только в 1820 году, через 50 лет после написания басни, посему серьёзно рассматривать сие предположение я б поостерёгся. Учитывая, что предшествующее басне «Ягнёнок, вскормленный козой» произведение «Лис и куропатка» (Le Renard et la Perdrix, V; II) встречается у Марии Французской, у Федра же встречается в адемаровской рукописи, найденной в X веке; при этом содержание тяготеет к Федровой вариации басни; на это указывают и куропатка (у Марии Французской вместо неё петух), и коралловый клюв. Поэтому я склонен считать, что Буазар или пользовался баснями «Расширенного Ромула»[6], или же, что на мой взгляд более вероятно, брал басни Федра, иногда пришивая к ним обновлённую мораль, или даже меняя фабулу, как то в басне «Орёл, ворон и черепаха» (L'Aigle, le Corbeau et la Tortue, V; XX), где ворон не только мудрый советчик, но и откровенный рвач, и насмешливая мораль из его уст напоминает более размышление погрязшего в коррупции чиновника, чем призыв к разумному, доброму, вечному (подобный подход вовсе не нов: за век до Буазара Исаак де Бенсерад[7], описывая сей сюжет в своём труде «Басни Эзопа в катренах» применил глагол excroquer (escroquer) — «обманывать, плутовать»), или же декорации, как в басне «Телёнок и бык» (Le Taureau et le Veau, V; XXII), а порой ограничиваясь изменением морали или вовсе простым пересказом, как то в басне «Филин и цикада» (Le Hibou et la Cigale, V; XIX).

Справедливости ради надо признать, что не только к Федру обращался ироничный француз; Бабрий и Эзоп также не были обойдены французским гением. У Бабрия, к примеру, был позаимствован сюжет о мыши и быке; по большому счёту, басня «Бык и крыс» (Le Taureu et le Rat, V; X) является пересказом творения греческого интеллектуала. С Эзопом всё получилось куда замысловатее: если басня «Волк и коза» (Le Loup et la Chèvre, V; VI) является почти дословным пересказом басни Эзопа (даже Исаак де Бенсерад, данный в сборнике в качестве контрольного образца, заменил волка львом), то стремление пересказать дословно Эзопов сюжет «Пастух и море» нашло на стремление отмежеваться от Лафонтена, как коса на камень; так родилась басня «Фиги» (Les Figues, V; XVI), где Лафонтеновы отсылки к гомосексуальным[8]

---

[6] Хотя басни сборника «Расширенный Ромул» отличаются и от басен Буазара, и от басен Марии Французской, да и переведены не кем-нибудь, а самим Михаилом Леоновичем Гаспаровым (а это архиавторитет для любого переводчика, знакомого не только с собственным снобизмом, а ещё и с совестью), цитировать их здесь — нарушение авторских прав; посему рекомендую сии басни к самостоятельному ознакомлению; поверьте, оно того стоит.

[7] Исаак де Бенсера́д (1612–1691) — французский поэт при дворе Людовика XIV, драматург; ставился современниками в один ряд с Корнелем за благородство и чистоту языка.

[8] Деятельность «международного общественного движения ЛГБТ» признана экстремистской и запрещена в ноябре 2023 года Верховным Судом Российской Федерации. Я также осуждаю деятельность данного сообщества и заявляю, что упоминание нетрадиционных отношений не имеет целью пропагандировать подобную мерзость.

древнегреческим героям (а Лафонтен-то ставил целью показать глубину падения авторитета незадачливого негоцианта, ибо в простом народе однополые отношения не приветствовались никогда) вычищены, а главный герой перенесён в город Тир, неоднократно упоминавшийся в Священном Писании как бездонный сосуд грехов и мерзости, подлежащий уничтожению (ярчайшие примеры — Ам.1:9-10[9]; Мф.11:22[10]). Что же до эзопова сюжета «Лягушки» то в басне «Две жабы» (Les deux Grenouilles, V; XXV) Жан-Жак Буазар уже в лучших традициях романтизма (а скорее всего, в традициях ворвавшихся со скандалом в литературу штюрмеров) сужает время до «сейчас» и говорит о бесполезности долгих стратегических построений, тем самым повторяя глубокомысленное изречение коня об осле, натиском и боем копыт пробившем себе дорогу к светлому будущему:

Voilà comme l'on fait fortune

так и куют своё счастье[11].

— из ранее написанной басни; кстати, отсылки к басням первого тома — не такая уж и редкость во втором, хотя и удивительного здесь немного: должно же хоть что-то остаться от классицизма в Буазаровых творениях? И у Александра Сергеевича Грибоедова в пьесе «Горе от ума», написанной через тридцать лет после данных басен, несмотря на общий романтический посыл произведения, сохранились и говорящие фамилии, и триединство места, времени и действия, и благородное происхождение действующих лиц (за исключением Молчалина, пожалуй), и иные родимые пятна классицизма. Так почему же не сохранить преемственность басен, не попытаться увязать их в стройную философскую систему?

Если о причинах смены стиля у Стравинского можно только догадываться, то у иронического француза есть манифест на этот счёт. В прологе он иносказательно описывает политическую ситуацию в стране: после смерти Людовика XV Возлюбленного 10 мая 1774 года на трон восходит его внук, Людовик XVI, человек-флюгер, вечно находившийся под влиянием то прогрессивного министра Тюрго, то под влиянием многочисленных родственников, имевших вполне себе объяснимые интересы в сохранении привилегий у дворянства, а то и под влиянием сущего реакционера Морепа[12], заставившего свернуть реформы Мопу[13] даже не из кажимости вредности самих реформ, а из-за личной неприязни Морепа к старым придворным Людовика XV. Конечно же, король, изначально не обладавший ощутимым кредитом доверия, вскоре растерял последние симпатии народа; удивительно ли, что высмеивавшие любвеобильность (я бы даже сказал женозависимость) Людовика XV, вскоре станут высмеивать слабоха-

---

[9] Так говорит Господь: за три преступления Тира и за четыре не пощажу его, потому что они передали всех пленных Едому и не вспомнили братского союза. Пошлю огонь в стены Тира, и пожрет чертоги его.

[10] но говорю вам: Тиру и Сидону отраднее будет в день суда, нежели вам.

[11] Фрагмент басни Жан-Жака Буазара «Le Cheval, le Bœuf, le Mouton et L'Ane» («Конь, вол, баран и осёл», см. Приложение 1).

[12] Жан-Фредери́к Фелиппо́, граф де Морепа́ (1701–1781) — французский государственный деятель. В период с 1723 по 1749 год занимал пост государственного секретаря по делам военно-морского флота при короле Людовике XV. После долгой опалы, закончившейся в 1774 году сразу после восшествия на престол Людовика XVI, назначен государственным министром, и находился в этой должности вплоть до своей смерти в 1781 году. По замечанию отдельных французских историков, деятельность Морепа после возвращения из опалы характеризуется сведением счётов с наследием умершего Людовика XV. Упорные преследования Морепа разрушили сформированный покойным королём непопулярный триумвират в составе канцлера Мопу, генерального контролёра финансов Терре и государственного секретаря герцога д'Эгийона, которому за три года работы удалось успешно оздоровить финансовую систему Франции и поднять авторитет королевской власти.

[13] Рене Никола де Мопу́ (1714–1792 года), полное имя Рене́ Никола́ Шарль Огюсте́н де Мопу́, маркиз де Морангль и де Бюлли, виконт де Брюйер-ле-Шатель (René Nicolas Charles Augustin de Maupeou, marquis de Morangles et de Bully, vicomte de Bruyères-sur-Oise) — французский политический и судебный деятель; канцлер (глава судебного ведомства) и хранитель печатей (назначен Людовиком XV, 1768–1774). Фактически первый министр Франции (1770–1774). Проводил политику укрепления власти короля и ограничения прав парламентов. В 1770–1774 годах провёл судебную реформу.

рактерность его внука. Думается мне, именно Людовик XVI подразумевался в прологе под угрюмым и одиноким львом, окружённым тиграми в виде того же самого Морепа вернувшегося из опалы с жаждой мести и оттуда же возвратившегося Шуазёля[14], также пытавшегося урвать себе кусок власти, но безуспешно. Ну а кого же ироничный француз мнил отцом отечества, эдаким пеликаном? Младшего брата короля, Луи-Станисласа-Ксавье, графа Прованского, ведшего при дворе относительно аскетичный образ жизни, впоследствии патрона самого Буазара; и да, тогда в правление своего брата Луи-Станислас казался потенциальным идеальным королём.

Легко быть идеальным королём, не имея рычагов власти и находясь в оппозиции к правящей верхушке; однако, взяв в 1814 году бразды правления под именем Людовика XVIII, граф Прованский повёл себя… никак: вялотекуще прятался под фалдами Веллингтона[15] во время 100 дней Наполеона[16], пассивно наблюдал за развязанным особо рьяными роялистами «белым террором[17]», нехотя принял Конституцию… страну штормило между либералами и консерваторами, а монарх становился всё более и более картонной фигурой. Пришедший ему на смену Карл X был старичком весьма энергичным и волевым, но его консервативные потуги были похожи на попытку выпить цистерну с нарзаном, дабы остановить некроз почечной ткани. Июльская революция 1830 года была неизбежна, а монархия — обречена.

Но вернёмся в 1773–1777 годы, когда писались басни V книги. Вместе с социальным неустройством и экономическими проблемами от Людовика XV во Франции остались ещё традиции великосветского разврата и вечного пира во время чумы; сам Людовик XVI фаворитки не имел, однако супруга его, Мария-Антуанетта, продолжила «добрую» семейную традицию развлекаться до утра в Трианоне, тратя при этом баснословные суммы на пиры, балы и игру в карты. Надо ли говорить, что в глазах любого нормального человека подобное поведение монаршей особы в стране, ещё выплачивающей ужасающих размеров контрибуцию за поражение в Семилетней войне, является не только неуместным, но и вызывает шок. Именно поэтому Жан-Жак Буазар стал искать точку сборки в античном творчестве, пробираясь всё ближе к истокам, пытаясь найти тот самый живительный источник искренних чувств, погребённых под слоями мерзкого в своём лицемерии придворного этикета. Именно поэтому в сборнике, открывающемся басней о почтении старых богов (читай: благодарности предкам и их почтении) и завершающемся пересказом мифа о чистой и самоотверженной любви (причём в обеих баснях: и «Старик и идол» (Le Vieillard et l'idole,V; I), и «Алкиона» (L'Alcyon, V; XXX) предок объясняет потомку, почему должно поступать именно так) так много отсылок и к античности, и к первому тому (книги I – IV) басен ироничного француза. Пожалуй, и нам стоит соблюсти традицию и достать из пыльного сундука классификацию моралей басен Буазара, тем паче, что

---

[14] Этье́н-Франсуа́ де Шуазёль, герцог д'Амбуа́з и граф Стенви́ль (1719–1785) — французский государственный деятель эпохи Просвещения, глава французской дипломатии в последней трети царствования Людовика XV. Ставленник маркизы Помпадур; после смерти последней отставлен в результате интриг клики Жанны Дюбарри и стоящего за ней триумвирата, возглавляемого Эммануэлем Арма́ном де Виньеро́ дю Плесси́-Ришельё, герцогом д'Эгийон. В 1774 году Людовик XVI вернул его из ссылки, уступив настоятельным просьбам королевы, благодарной Шуазёлю за его проавстрийскую политику. Шуазёль вернулся в Париж и вновь появился при дворе 12 июня 1774 года, однако к этому времени королевским советом уже завладел граф де Морепа, а министерство иностранных дел возглавил граф де Верженн. Скончался в Париже 8 мая 1785 года от бронхита, оставив миллионные долги.

[15] А́ртур Уэ́лсли, 1-й герцог Веллингтон (1769–1852) — британский полководец и государственный деятель, фельдмаршал (с 21 июня 1813 года), участник Наполеоновских войн, победитель битвы при Ватерлоо (1815). 1-й герцог Веллингтон с 3 мая 1814 года. Премьер-министр Великобритании в 1828-1830 годах и временно в ноябре-декабре 1834 года.

[16] «Сто дней» — период французской истории между произошедшим 20 марта 1815 года возвращением к власти во Франции Наполеона I и произошедшим 8 июля 1815 года роспуском правительственной комиссии, которая отвечала за исполнительную власть после второго отречения Наполеона I от власти.

[17] «Белый террор» (фр. Terreur blanche) — так называется ряд жестокостей и насилий, совершённых во Франции ультрароялистами в 1815-1816 годах под белым знаменем Бурбонов.

актуальности из книги в книгу она не теряет, а лишь обрастает подробностями и дополнениями.

1. Басни, пестующие чувство меры:

1.1. Басни об умеренности в желаниях: в качестве примера приведу, пожалуй, басню «Черепаха и ёж» (La Tortue et le Herisson, V; IV) не только потому, что черепаха воспевает именно пассивную защиту, не пытаясь атаковать разнуздавшегося ближнего, но и потому, что в басне ищется чувство меры, а спор приверженцев непротивления злу насилием и адептов активной защиты, исповедующих принцип «Добро должно быть с кулаками», не утихает до сих пор. Примечательно ещё и то, что в те же самые годы происходила революция в военном деле: во время Семилетней войны некоторые горячие головы попытались применить тактику колонн и рассыпного строя, тогда ещё сырую; эксперимент оказался неудачным, но за доработку принялся Александр Васильевич Суворов, представивший результаты под Туртукаем[18] и у Козлуджи[19] и на пальцах (пардон, на штыках) объяснивший неприятелю все достоинства новой тактики (хотя, может это доказательство другой любимой максимы Александра Васильевича «дело мастера боится», потому как отрицать мастерство графа Суворова-Рымникского будет или полный неуч, или не менее полный дурак); также не стоит списывать со счетов завершение пороховой революции: ещё два века тому назад тяжёлая конница (к примеру, польские крылатые гусары) была весомым козырем в любой битве, однако с развитием огнестрельного оружия эффективность (а вместе с ней экономическая целесообразность) тяжелобронированных монстров вначале заметно снизилась, а после и вовсе обнулилась; одинокий рыцарь на дорогом коне оказался бессилен против двух рот вымуштрованных солдат, вооружённых фузеями (при том что снарядить две роты солдат стоило куда меньше, чем одного элитного всадника, да ещё и на дорогом коне).

Пожалуй, не менее примечательна, хотя и наивна до крайности, басня «Коршун и воробей» (L'Autour et le Moineau; V; XI), где за неумеренность свою коршун поплатился жизнью.

Также симптоматична басня «Фиги» о человеке, поддавшемся соблазну, но сумевшем справиться с ситуацией и получившем иммунитет и резистентность к авантюрам. Собственно, взрослеют-то как раз те, кто сумели или отказаться от соблазна, или разобраться с последствиями опрометчивого шага.

1.2. Басни, воспевающие христианское смирение и скромность; как пример — басня «Лис и куропатка»: оба героя, обуянны бесами тщеславия и гордыни, повелись на лесть и оба пострадали: куропатку чуть не съели, лиса же наоборот осталась голодной. Противовесом данной басни служит произведение «Волк и коза», где коза не поверила посулам волка, раскусив его коварный план. Также примечательна басня «Бык и крыс», где бык признал бесполезность борьбы с ветряными мельницами. Ей вторит басня «Голубок и малиновка» (Le Ramier et la Fauvette, V; XVII) о том, что в любви нет места скоропалительным решениям, и зрелые чувства это не про страсть, а про понимание и доверие, хотя нет-нет да и ловишь себя на мысли, что супружество для мужчины — американские горки между Отелло и вечным мужем с неизвестной конечной точкой.

1.3. Басни, порицающие неумеренность: в первую очередь хотелось бы упомянуть басню «Дрозды» (Les Grives; V; V), однако басня не только и не столько о неумеренности в желании, а ещё и о нарождающемся классе нуворишей, авантюристах и дельцах, вынужденных риско-

---

[18] Штурм Туртукая — операция, проведённая генералом Суворовым против турецкой крепости Туртукай на Дунае во время Русско-турецкой войны (1768–1774), в ходе которой русские войска разбили превосходящие силы турок и захватили Туртукай. Под начальством Суворова находилось около 700 человек, гарнизон Туртукая составлял около 4 тысяч. Трофеями русских стали 16 орудий, 6 знамён и 51 судно. Потери турок 1500 убитыми, у русских около 70 человек убитыми и ранеными.

[19] Сражение при Козлудже — важное сражение между русскими войсками под командованием А.В. Суворова и М.Ф. Каменского и турецкой армией Хаджи-Абдул-Резака во время Русско-турецкой войны 1768–1774 годов, произошедшее 9 (20) июня 1774. Силы сторон: турки — 40 000 человек, русские — 24 000 человек. Турки потеряли до 500 человек убитыми и 100 пленными. В русской армии убито 75 человек, ранено 134 (из них 4 офицера).

вать. С одной стороны, время написания басни очень уж совпадает с появлением набобов в Великобритании (так называли отставных чиновников британской Ост-Индийской компании, сколотивших себе состояние на грабеже и жёсткой эксплуатации коренного населения Индии), своим богатством и покупкой мест в Парламенте сильно раздражавших старую родовую аристократию; с другой стороны, велико искушение провести параллели с бессмертным трудом «Путешествие из Петербурга в Москву» уже упоминавшегося ранее Александра Николаевича Радищева; в главе «Спасская Полисть» мы видим историю купца, в одночасье потерявшего всё и вынужденного скитаться; а в главе «Новгород» мы видим свадьбу купеческую — эдакий пир, от которого за километр несёт чумой; этакие пассажиры «Титаника», отплясывающие макабрический фокстрот на палубе системы, идущей к чорту. Собственно, тонкая ирония периода первоначального накопления капитала и свободного рынка и состоит в том, что именно человеческая жадность, ломающая жизни миллионам и выносящая наверх единиц, является его (и периода, и капитала, и рынка) двигателем. Однако так рождается новая элита, и Буазар, очень точно подмечавший моменты и тенденции, попридержал морализаторский пыл, не понимая, к добру это или к худу; в XXI же веке, когда капитализм уже давно утратил позитивный импульс, и гигантский потенциал трудового большинства растрачивается на обеспечение роскошной жизни кучки паразитов, подобный риск ничего, кроме недоумения, не вызывает: уж слишком много коучей всех мастей камлают из каждого утюга (пардон, тизера) о «выходе из зоны комфорта», но слишком мала вероятность успеха, а вот потеря всего в погоне за ним почти гарантирована.

Авантюризму купцов противопоставляется здоровый расчёт обжёгшегося сельского буржуа в басне «Фиги», пережившего и выход из зоны комфорта, и фиаско планов, и последовавшую за этим расплату в виде полуголодного года (до следующего созревания инжира), и после смотревшего с хитрым прищуром на каждого обещавшего золотые горы.

На бытовом уровне неумеренность красочно описывается в басне «Сорока» (La Pie, V; VIII), где сорока трещит базарной торговкой всяческую околесицу, нанизывая и внезапную ссору, и навет, и инсинуации на тему ласточкиной личной жизни; однако толку от сорокиной трескотни чуть меньше, чем никакого. Потому она и нарывается на флегматичный вопрос (а может и ответ одессита) скворца. В какой-то степени ей комплементарна басня «Пчела и муха» (L'Abeille et la Mouche, V; XV), которую Иван Иванович Дмитриев[20] перевёл как памфлет на назойливых графоманов,

О, эгоисты-рифмачи!

— а, возможно, и как сатиру на Дмитрия Ивановича Хвостова[21], которого, по свидетельствам современников, хлебом не корми, дай только собственные вирши почитать; мне же пчела видится назойливым коммивояжёром или торговым представителем, что даже такую ценную вещь, как мёд, опошлил и опоганил навязчивой рекламой. Как разительно образ пчелы здесь отличается от образа пчелы в первом томе; казалось бы, что может случиться со скромной труженицей? Ан нет, как видим, смущённая Маммоной душа меняется не в лучшую сторону.

Продолжает тему назойливости басня «Цикада и филин»; кстати, обратите внимание на композицию: если назойливой сороке в начале книги говорят полунамёком о её назойливости, в басне «Пчела и муха» пчелу уже просят открытым текстом, то надоедливую цикаду из басни в конце книги просто убивают. Пожалуй, хоть и не совсем к месту, рекомендую сравнить сухой, почти протокольный язык Федра и галантный — Буазара; великая вещь — дегустация.

---

[20] Ива́н Ива́нович Дми́триев (1760–1837) — русский литератор, поэт, баснописец, представитель сентиментализма. Сенатор, член Государственного совета, министр юстиции в 1810–1814 годах, член Российской академии (с 1797 года).

[21] Дми́трий Ива́нович Хвосто́в (1757–1835) — русский поэт, один из поздних представителей поэтического классицизма; военный и государственный деятель.

Совершенно по-иному неумеренность манифестируется в басне «Львиная ярость» (La colère du Lion, V; XII), эдакая карикатура на Людовика XVI, слабохарактерного, не владеющего собой короля. Известно, что гневливым Людовик не был, но здесь лучше всего раскрывают образ последние строки произведения:

Et quels maux ne fera-t-il pas,
Aujourd'hui qu'on voit trop, hélas!
Qu'il n'est plus maître de lui-même!

Каких только зол не претерпите вы,
Чего только мы не увидим, увы,
Сегодня от тех, кто себе самому не хозяин!

— ибо хозяином, повторюсь, самому себе король не был.

Но одно дело индивидуальная вседозволенность, другое дело — массовое помешательство, эдакий выпуск пара, облачённый в традицию, подобно факельным шествиям нацистов и сжиганию книг, или же убийству Иуды в романе Хименеса «Платеро и я»[22] (в тот весенний день по статуям и изображениям Иуды стреляли из всех стволов все кому не лень); к таким же диким традициям можно причислить и забой чёрных дельфинов на Фарерских островах, и спортивную стрельбу по голубям, и если забой китообразных на Фарерах имеет хоть какое-то подобие ширмы заботы о выживании человеческой популяции в зоне экстремального земледелия, то стрельба по голубям никакой подоплёки, кроме извращённого наслаждения процессом и оттачивания навыков стрельбы по быстродвижущейся мишени, не имеет. Именно этот бесчеловечный азарт и порицается в басне «Голубка» (La Colombe; V; XXI). Самое страшное, что приведи в ум любого из подверженных этому дикому азарту, спроси, зачем он это делал, — не ответит. Это роднит данную басню с произведением «Собаки, осы и ёж[23]» (Les Chiens, les Guêpes et le Hérisson, III; XXIV), где вожак стаи собак на вопрос «За что?» ответил без прикрас:

En effet
Je ne sais pas quel est son crime.

На самом деле,
В чём виноват он, право, я не знаю...

2. Басни, мораль которых содержит манифестацию чувства меры на устройство общества:

2.1. Басни, воспевающие чувство ранга:

2.1.1. Собственно чувство ранга: некоторые параллели с уже упоминавшейся басней «Дрозды» можно провести в басне «Цикада и улитка» (La Cigale et L'Escargot; V; VII), стойко ассоциирующейся с идиомой «влезть в чужую шкуру»: складывается ощущение, что в произведении описывается сравнение дворянского сословия и буржуазии: тяжеловесность гербов и древности рода против напора, энергии и риска; хотя с таким же успехом сия аллегория может касаться голодной молодости и зажиточной старости.

Куда яснее позиция по чувству ранга в басне «Яблоня и левкой» (Le Pommier et la Giroflée, V; XVIII), где слышатся знакомые нам ещё из первого тома[24] сентенции о том, что

[22] «Платеро и я» — испанская прозаическая поэма 1914 года, написанная Хуаном Рамоном Хименесом (1881–1959), лауреатом Нобелевской премии по литературе. Со временем «Платеро и я» стала не просто детской книгой, а культурным феноменом, повлиявшим на представления о том, как можно говорить с ребёнком через историю о маленьком ослике.

[23] См. Приложение 17.

[24] В качестве примера могу привести басню «Слон и зайчонок» (L'Éléphant et le Levraut, II; XV), см. Приложение 2.

большая должность и чин предполагают большую ответственность и уровень риска; я думаю, что и в нашей жизни ещё бытует сей пропагандистский посыл, объясняющий социальное неравенство или же прикрывающий его ширмой «социально ответственного бизнеса», который так врос в структуру экономики, что при уничтожении его неминуемы коллапс и катастрофа (а что же ещё говорить представителям спаянного воедино финансового и промышленного капитала?). Только случись очередная мировая война, обусловленная жадностью очень ответственных владельцев газет и пароходов, война, затевающаяся с целью передела мирового рынка, никто из социально ответственных даже не присядет: погибать на войне за чужие финансовые интересы будет одурманенный пропагандой народ. Единственное исключение — поведение и мотивация РККА СССР в Великой Отечественной войне, но это исключение лишь подтверждает правило: Третий-то рейх шёл в СССР за тотальным ограблением и уничтожением под соусом «борьбы с коммунизмом»; жертвы геноцида и жители выжженных деревень на оккупированных территориях не дадут соврать.

Однако вернёмся к чувству ранга. То, что люди неравны, понятно любому: один умнее, другой глупее, один выше, другой ниже, болезненный, у другого богатырское здоровье, кому-то лучше Шнурова музыки нет, а кто-то ничего не признаёт проще Шнитке и Щедрина; об этом писали и Ницше, и Сталин, но каждый делал свои выводы: если Ницше настаивал на идеальности кастовой модели общества[25], то Иосиф Виссарионович настаивал на ликвидации уравниловки при равных возможностях для каждого человека[26]. Единственная модель, где неравенство в возрасте и опыте обосновано и по праву подразумевает неравные права — это семья: старшие родственники в силу опыта имеют большую власть (опять же, до определённого предела). Именно эту иерархию пестовал Федр (а вслед за ним и Буазар) в басне «Телёнок и бык».

Апогеем межранговой розни является басня «Дрозд и ласточка» (La Grive et l'Hirondelle, V; XXVI). И казалось бы, прав дрозд, и, повторюсь, любовь до гроба — следствие не страсти, а понимания и обоюдных (!) компромиссов, и если в быту вкусы кардинально не совпадают, то такой союз обречён; но что-то гаденькое слышится мне в объяснении дрозда, очень напоминающее нечто среднее между тирадой Синьора Робинзона из одноимённого фильма («Мы слишком разные, я — белый, ты — чёрная».) и отповедью Герберта Биллинга при расставании с Рут в романе Эриха Марии Ремарка «Возлюби ближнего своего»; закономерный финал пестования чувства ранга, не правда ли?

2.1.2. Элитарность искусства: басен на тему в сборнике нет.

2.2. Басни о строгом исполнении долга. Если раньше, как правило, имелся в виду долг государственный, общественный, то теперь мы видим в первую очередь басни о долге семейном: о почитании предков в басне «Старик и идол»; у басни могут быть разные трактовки: кто-то скажет о собирании камней, кто-то о старческом скопидомстве, мне же видится эта басня через призму современных реалий: уж слишком часто из каждого утюга мы слышим

---

[25] «Порядок каст, высший господствующий закон, есть только санкция естественного порядка, естественная законность первого ранга, над которой не имеет силы никакой произвол, никакая „современная идея“… Высшая каста — я называю её кастой немногих — имеет, будучи совершенной, также и преимущества немногих: это значит — быть земными представителями счастья, красоты, доброты». Антихристианин. Опыт критики христианства / Фр. Ницше; Пер. В.А. Флеровой. Под ред. А.Я. Ефименко. — СПб.: М.О. Пирожков, 1907. — IV, 94 с.

[26] «Совершенно ясно, что разные люди имеют и будут иметь при социализме разные потребности. Социализм никогда не отрицал разницу во вкусах, в количестве и качестве потребностей. Прочтите, как Маркс критиковал Штирнера за его тенденции к уравниловке, прочтите марксову критику Готской программы 1875 г., прочтите последующие труды Маркса, Энгельса, Ленина, и Вы увидите, с какой резкостью они нападают на уравниловку. Уравниловка имеет своим источником индивидуально-крестьянский образ мышления, психологию делёжки всех благ поровну, психологию примитивного крестьянского „коммунизма“. Уравниловка не имеет ничего общего с марксистским социализмом. Только люди, не знакомые с марксизмом, могут представлять себе дело так примитивно, будто русские большевики хотят собрать воедино все блага и затем разделить их поровну. Так представляют себе дело люди, не имеющие ничего общего с марксизмом. Так представляли себе коммунизм люди вроде примитивных „коммунистов“ времён Кромвеля и французской революции. Но марксизм и русские большевики не имеют ничего общего с подобными уравниловскими „коммунистами“». Сталин И. В. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. 13 декабря 1931 г.

о пенсионерах как о нагрузке на бюджет, особенно при оправдании очередной пенсионной реформы; уж слишком цинично в 2002-м, незадолго до монетизации льгот, был введён термин «срок дожития», а ныне некоторые пока ещё маргинальные «мыслители» и вовсе заикаются об отмене пенсий и формировании пенсионных накоплений самостоятельно… И почему же мы охаем, когда видим очередное видео, где молодые щенки (язык не поворачивается назвать их людьми) издеваются над стариками? Что наверху, то и внизу; другой разговор, что когда изрядно постаревшие дети, променявшие свет учения и радость истинных чувств на дурман статусности и сиюминутного удовольствия, столкнутся с проблемами взрослой жизни, то поддержать советом их будет некому… Контрапунктом к басне «Старик и идол» служит басня «Ягнёнок, вскормленный козой», где тоже привечается как исполнение материнского долга, так и обеспечение преемственности поколений. Подобно занавесу, обрамляющему сцену с двух сторон, басня «Сорока и пташки» (La Pie et les petits Oiseaux, V; XXVIII) о слишком ретивом исполнении долга заботы о братьях меньших также служит противоположной кулисой произведению «Ягнёнок, вскормленный козой»; это соотношение в какой-то степени напоминает соотношение в паре стихотворений «Старик и идол» и «Алкиона» (тоже в какой-то степени о поддержании традиционных ценностей за счёт обеспечения преемственности поколений).

2.2.1. Развитием темы семейного долга видится мне тезис «Помни имя своё», манифестацией которого служит басня «Бельчонок и лис» (L'Écureuil et le Renard, V; XIV), перекликающаяся с басней «Кот и крыс» из третьей книги басен (Le Chat et le Rat, III; VIII): уж сколько раз в жизни нам пытаются втереться в доверие! Бьюсь об заклад, что почти каждый читатель получал на электронную почту письмо от принцессы далёкой африканской страны, наследницы богатого рода, ныне пребывающей в затруднительном положении на территории какого-нибудь посольства, и для того чтобы восстановить-де статус-кво или хотя бы добраться до счёта в банке, ей всего-то нужно — полторы тысячи долларов, а уж она-то как встанет у трона, так вернёт от миллиона до половины своего наследства (на таком фоне полторы тысячи долларов, сумма сама по себе немалая, действительно превращается во «всего-то»); а кому-то, может быть, повезло получить письмо от малайского нотариуса о том, что «Вы, дорогой получатель, являетесь наследником недавно почившего миллионера, и дабы исполнить волю покойного без излишних бюрократических проволочек, надо всего-то пятьсот долларов на такой-то счёт». Надо ли говорить, что стать одновременно наследником миллионера и спасителем принцессы не получалось ни у кого, а вот расстаться с нажитым непосильным трудом… Думается мне, в наш век фишинговых сайтов, постоянных звонков службы безопасности банка, липовых полицейских, почтальонов, курьеров и работников пенсионного фонда, звонящих по особо важным вопросам через мессенджер или с незнакомых мобильных номеров, значение басни особо никому и не надо объяснять.

2.2.2. В отдельный вид можно выделить басни с моралью «Где родился, там и пригодился», эдакое продолжение идеи, заложенной еще в книге IV[27]: в качестве примера преемственности — басня «Жаворонок и жаба» (L'Alouette et la Grenouille, V; XIII), последняя строка которой:

Mais pour moi qui n'y suis point née,
Je ferai mes efforts pour ne pas y mourir.

А я не хочу улетать из сторонки родимой...
Всё сделаю, чтоб на чужбине да не умереть.

[27] См Приложения 9,10.

недалеко ушла от финала басни книги IV «Перепёлка и куропатка» (La Caille et la Perdrix, IV; I):

Rien ne peut m'arracher du sein de ma patrie.

Нет силы, что сможет меня побудить покинуть отечество!

Если взглянуть на ситуацию шире и поставить выше упоминавшуюся басню «Дрозды» рядом с произведением «Жаворонок и жаба», то закрадывается ощущение, что Буазар пытался примириться с новой капиталистической реальностью (пришедшей ещё до революции) всеми фибрами своей души: с одной стороны, патриотическая тема никуда не делась, и Буазар всё так же повествует о любви к отечеству; с другой же, он не осуждает дроздов, как осуждал мышь-полёвку из одноимённой басни (Le Mulot, IV; VII), то есть тяготы и лишения купеческого сословия ему не чужды (что неудивительно, учитывая, что начальник и покровитель Буазара, глава администрации административного округа Кан Франсуа-Жан Орсо, барон де Фонтетт, хоть и был физиократом, но прекрасно понимал, что без торговли никуда, и усиленно занимался, как мы бы сейчас сказали, созданием зоны максимального благоприятствования малому бизнесу: улучшал улично-дорожную сеть, пытался снизить социальное напряжение, заменял барщину лёгким оброком, стимулировал развитие сельского хозяйства). Таким образом, мы видим, что ироничный француз изначально был сторонником прогрессивных идей, а его уход в античные формы — всего лишь попытка отрефлексировать происходящее в спокойной обстановке.

2.3. Басни, подчёркивающие необходимость учения в сборнике не представлены.

3. Басни, порицающие революционеров и революцию, также отсутствуют в сборнике.

4. Антиклерикальные басни можно не искать.

5. Басни, выхватывающие приметы времени:

5.1. Басни о потерянном поколении:

5.3. Басни, описывающие революционные процессы в обществе: в качестве примера — две басни: «Крестьянин и ястреб» (Le Fermier et l'Autour; V; XXIV) и «Две жабы». Вообще, композиция сборника подчёркнуто театральна: мы видели некое подобие занавеса в пункте 2.2; теперь же видим ещё одну альфу и омегу: в басне «Крестьянин и ястреб» явлен показывающий нам не смирение, а отупение и пастозность души лейтмотив из первого тома: «А не всё ли равно, кто нас грабит?» появившийся впервые в произведении «Овца и ягнёнок» (La Brebis et l'Agneau, II; XIX), а в стихотворении «Две жабы» видны революционно-романтические настроения, эдакое «Пролетариям нечего терять, кроме своих цепей»[28], когда бездействие страшнее ошибки, потому как однозначно ведёт к гибели.

5.4. Басни о новомодном и наносном и борьбе с ними.

Иную позицию мы видим в басне «Медведь и заяц» (L'Ours et le Lièvre, V; IX), где заяц спасается, прикрываясь высоким рангом льва. Исключение здесь кажущееся: будь у медведя чувство ранга, он бы сожрал зайца и не подавился; но, видимо, так надоели Буазару везде пролезающие плуты и прохиндеи, наглые как обезьяны и ссылающиеся на знакомство с очень важными людьми, что он и сию басню написал, и чувством ранга начал бредить; однако не стоит путать нагороженный одним мракобесом идеалистический конструкт чувства ранга с обыкновенной человеческой порядочностью: даже при фашизме (Уж насколько идеальное с точки

[28] «Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путём насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир. ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии, 1848).

зрения чувства ранга общество! Порядочных людей, правда, от него откровенно мутит.) находилась уйма людей, желающих половить рыбку в мутной воде: пока есть классовое общество, мечта о личном успехе любой ценой, даже если придется потерять человеческий облик, неистребима; только на адептах личного успеха и держится эффективная экономическая сверхэксплуатация (даже если декларируется примат общественного, идея беззаветного служения отечеству и сплоченность народа, невзирая на социальные страты), ну а вышеописанные персонажи — лишь побочный эффект порочной системы.

Тему прохиндиады продолжает басня «Орёл, ворон и черепаха». В своё время в романе Виктора Пелевина «Т» буддийский лама Джамбон Тулку сказал по поводу соглядатая, своровавшего у него некоторые ценности, что-де не имеет к тому претензий, как и не может их быть к волку за то, что тот крадёт ягнят. Тут я хотел бы указать на тонкую грань между благородством прощения и низостью это прощение требовать; и несмотря на то, что формально к ворону по пелевинской логике не может быть претензий, ведь ещё у Бенсерада[29] сказано, что ворона обжулила орла, но наглость, с которой пернатый капер требует оправдания и принятия (какое там прощение при такой-то наглости?) вызывает оторопь и даже подсказанный лайфхак по растрескиванию панциря не сильно меняет картину.

Но, как известно, всякий любитель половить рыбку в мутной воде, как чёрт ладана, боится ясного рассудка, ибо тогда и доводы становятся несостоятельными, и шарм теряется; примером тому — басня «Зебра» (Le Zèbre, V; XXIII); с одной стороны — страсть к экзотике неистребима в народе, об этом писал и современник Буазара, Томас де Ириарте[30] (да и сам ироничный француз нет-нет да перенесёт место действия своих басен на Ближний Восток[31]), с другой — всё наносное быстротечно: много ли осталось от слэнга 90-х или 00-х? Многие ли певцы и певицы одного хита из той эпохи могут ныне повторить успех? Как правило, финал их горек, и тут уместна только фраза Дениса Ивановича Фонвизина:

Вот злонравия достойные плоды!

Однако третий закон Ньютона никто не отменял: иллюстрацией служит басня «Лис и петух», (Le Renard et le Coq; V; XXVII), этакая вольная интерпретация Федрова сюжета о повесившемся коте и крысах[32], кстати, весьма популярного и в нашей литературной среде (достаточно вспомнить сказку В.А. Жуковского «Как мыши кота хоронили» или стихотворение «Как мыши с котом воевали» Н.А. Заболоцкого); только опытный петух (как тут не вспомнить Пушкина?[33]) не дал устроить лису бойню.

Продолжить хвалу разуму, опыту и просвещению хотелось бы басней «Два кролика» (Les deux Lapins, V; XXIX), перекликающейся и с Ромулом[34], и с первым томом[35] (хотя и здесь удивляться нечему: максима о том, что страшна не стрела, а руки, что эту стрелу пускают, актуален и поныне: открытие деления атомных ядер, например, у американцев вылилось в Хиросиму, а у СССР — в Обнинск[36]).

---

[29] См. Приложение 16.

[30] Басня по теме «Чай и шалфей» (El Té y la Salvia) см. Приложение 19.

[31] В качестве примера — басня «Кадий и араб» (Le Cadi et l'Arabe, II; XXVI), см Приложение 3.

[32] Интерпретации Шарля Перро и Жана де Лафонтена см. Приложения 22 и 23.

[33] О сколько нам открытий чудных Готовят просвещенья дух И Опыт, [сын] ошибок трудных, И Гений, [парадоксов] друг, [И Случай, бог изобретатель].

[34] Мария Французская «Басня девяносто вторая о косуле и её косулёнке» (Fable XCII de la Biche et sun Foon), см. Приложение 25.

[35] Имеется в виду басня «Олень и стрела» (Le Cerf et la Flèche, II; XXVIII), см. Приложение 24.

[36] Обнинская АЭС — первая в мире атомная электростанция, подключённая к электрической сети. Станция была запущена 27 июня 1954 года в посёлке Обнинское (ныне город Обнинск) Калужской области. Реактор АМ-1 («атом мирный») имел мощность 5 МВт.

Подводя промежуточный итог, я хотел бы заметить, что нет ровным счетом ничего удивительного в том, что, встретившись с принципиально новым (а Первая Мировая война в 1914 году, Просвещение и усугубленное разочарованием в новом монархе нарастание революционной ситуации во Франции второй половины XVIII века — явления принципиально новые для своего времени), человек первым делом (отойдя от шока, конечно) вспоминает, а видано ли было такое ранее. По большому счёту, именно этой универсальной реакцией на шок обусловлены отход Стравинского от дягилевской цветастости к неоклассической чистой красоте и дальнейшее вворачивание вглубь веков, именно этой реакцией обусловлено обращение Буазара к античным авторам, дабы причаститься традиционных семейных ценностей, обжигаемых свечами балов и салонов Марии-Антуанетты, ведь сколько басен о семье, терпении и заботе сосредоточено именно в этой книге! Но самое интересное в том, что на обращении к старому создавалось новое: Игорь Фёдорович Стравинский является одним из четырёх композиторов, чьи идеи, поиски, наработки и стиль кардинально изменили музыкальный язык в XX веке; Буазар, придав басне некоторую инаковость, также гремел в своё время (достаточно вспомнить фразу[37] Антуана де Ривароля[38]). Хотя что уж говорить о весьма умеренных новаторах, если даже Владимир Ильич Ленин, которого невозможно упрекнуть в консерватизме и ретроградности, писал и вещал с высокой трибуны, что без всестороннего изучения и критического осмысления всего культурного наследия человечества новую пролетарскую культуру не построить. «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество», — так звучали его слова на 3-м Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи 2 октября 1920 года. Стало быть, лишь общество, чтущее свою историю, способно двигаться к новому; обществу же, желающему лишь безоглядно потреблять новое, боюсь, и не дано иных изобретений, кроме граблей, селфи-палки и, периодически, велосипеда.

[37] «Они [басни Буазара] вывели из моды басни Лафонтена, что всегда немного несправедливо».

[38] Антуан Ривароль (1753–1801) — французский журналист, писатель, полемист, критик.

Пролог

Сладчайшему отдохновению спутница, уединение,
И Вы, что зовётесь владетельницею в лесах
Под сенью кроны зелёной, у волн хрустальных берега,
Я сызмальства вас научился запечатлевать в карандашных штрихах,
О Муза, что прячется меж пасторальных пейзажей,
Улыбкой своей наградите строк новых полотна;
Направьте же кисть мою, пусть на портретах покажутся
Те люди, что в образах этих узнают себя удивлённо.
Чем больше я наблюдаю животных,
Тем больше я вижу, они с нами схожи,
И страсти их на правдивых полотнах
На страсти людские зеркально похожи.
На сцене же мира сего всякий раз
Что вижу я? Ах! Моих лицедеев да в масках разнообразных.
Вот лев, угрюм, одинок,
Чьи очи сверкают огнём, а сам он рычит там, где света не много;
То образ наших тиранов:
Тигр, тем боле жестокий, чем больше злодейств на нём оставят отметины,
Чьи глаза улыбаются жертвам,
Подобных я нахожу вновь и вновь средь придворных и меж вассалов.
Но средь героев злодейской стати
Порой нахожу я и боле приятных.
Непорочны животные, лишённые ревности,
Малых сих, право, можем и среди нас найти.
И в обожаемом принце[39], отце Отечества,
Готовом ради народного благоденствия
В жертву всё самое ценное приносить нощно и денно,
Мне видится пеликан в благороднейшем проявлении:
Когда его щедрый клюв надорван с боков,
Он скармливает птенцам и рыбу, и кровь.
Когда сей отец, одеревеневший под инеем лет
Ждёт пользы напрасно от крыльев своих, которым судьба отмереть;
Если я вижу стайку его птенцов,
Что, требуя, повышают силу своих голосов,
Узревши картину, что явлена лишь на минуту едва ль мне,
Узнаю вновь живой я пример той самой цапли,
Что с течением дней становится вялой, —
То покорность немая законам природы;

[39] Имеется в виду Луи-Станислас-Ксавье (1755–1824) — брат Людовика XVI, носивший во время его царствования титул графа Прованского (фр. comte de Provence) и почётное именование Месье (фр. Monsieur), а потом, во время эмиграции, принявший титул графа де Лилль. Был королём Франции Людовиком XVIII в 1814–1824 годах (де-юре с 1795 года), с перерывом в 1815 году, занял престол в результате Реставрации Бурбонов, последовавшей за свержением Наполеона I. Людовик был последним монархом Франции, который не был свергнут в результате революции (короли Карл X, Луи-Филипп I и император Наполеон III были свергнуты). При дворе Людовика XVI вёл относительно скромную жизнь. С 1778 года секретарём Луи-Станисласа-Ксавье становится Жан-Жак Буазар.

Голодая в холодное время года,
Отдаёт она то, что весной задолжала.
Но пошатываясь под тяжестью жизни,
Расплескаю я боль, что во мне накопилась,
В души верных друзей, что даны мне богами,
Коль очищенным буду из глаз их слезами,
Возрождаюся я, отыскав себя вновь,
Счастлив боле всего мукой перенесенной!
Вместе с тем удивлён, как глубок мой покой,
Снова вижу я, сколь одинок во вселенной
Человек, что знаком с обаянием дружбы…
И ему ж одному проливать слёзы нужно,
Окружённому мерзостью злой,
Видимой иль придуманной.
Эй, вокруг! Обитатели приторной тени,
Ах, как много у вас преимуществ пред гением!
Ведь неведомы вам наслажденья напрасные,
Сожаления и покаяния:
Как чиста ваша блажь, как легки ваши кары;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.